

of the Central Asian Expeditions in Mongolia and China, 1921–1930. New York: The American Museum of Natural History. 678 p.

Nye J.S. 1990. Soft Power. – *Foreign Policy*. No 80. P. 153-171.

BASHKUEV Vsevolod Yur'evich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Senior Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; seva91@yahoo.com)

EXPORT OF SOVIET MEDICINE IN THE 1920S: MEDICAL AND SANITARY EXPEDITIONS OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF HEALTH OF THE RSFSR IN THE MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC

Abstract. *The article considers such an understudied aspect of Soviet international assistance to the Mongolian People's Republic in the 1920s, as the medical and sanitary expeditions of the People's Commissariat of Health of the RSFSR. At the start of socialist transformations, the situation in Mongolian healthcare was pitiful. The country lacked organized medical assistance; infectious diseases were rampant; high infant and maternal mortality was observed. Expeditions gathered information about the real state of affairs in medicine; they also directly worked with the population creating a positive image of Soviet medicine among Mongols and winning over their confidence. Gradually the expeditions became not just means of reconnaissance, but also a channel of export for Soviet medical knowledge, technologies and organizational models.*

Keywords: *healthcare, Mongolian People's Republic, People's Commissariat for Health of the RSFSR, medical and sanitary expeditions, venereal diseases*

ШАТИЛО Игорь Станиславович – к. филос. н., доцент (fai-shatilo@yandex.ru)

АРАКЧЕЕВСКИЕ ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ РАЗОРУЖЕНИЯ

Аннотация. *В статье дается обновленная интерпретация деятельности высокопоставленного царского чиновника Аракчеева по созданию военных поселений. В контексте истории и теории милиционных форм оборонного строительства, взятых позднее на вооружение социалистическими партиями России и мира, картина этой деятельности становится ярче, привлекательнее и лучше сопоставляется с выводами о возможности повторения некоторых черт этого опыта для использования в иных исторических условиях.*

Ключевые слова: *милиционные формы военной организации общества, военные поселения, трудовые армии*

У известного российского поэта и художника Максимилиана Волошина, жившего в годы советской власти в Крыму, есть стихи об Аракчееве. Поразительно, но факт: в них Аракчеев, снискавший почти всеобщую ненависть просвещенных современников, был назван «первым коммунистом земли российской». Вот эти строки:

Земля судилась и осуждена:
Все грешники записаны в солдаты.
Всяк холм понизился и стал, как плац.
А над землей солдатскою шинелью
Провис до крыш разбухший небосвод.

Таким он был написан Джорджем Доу —
Земли российской первый коммунист —
Граф Алексей Андреевич Аракчеев.

Попытаемся выяснить логику, согласно которой поэт назвал Аракчеева коммунистом. Может быть, Волошин, не всегда ценивший порядок, установленный большевиками в России, имел в виду отрицательные тенденции ко всеобщей уравнительности, насаждению казарменного режима, культивированию слепого подчинения людей жесткой «вертикали власти», полагая, что именно Аракчеев был ярчайшим выразителем таких тенденций в первой половине XIX в.? Может быть, может быть... Аракчеев, действительно, был олицетворением обозначенных тенденций. При трех императорах (Павле I, Александре I и Николае I) он был образцовым военным службистом и, занимая высокие посты в армии и в правительстве, стоял на страже точного, неукоснительного выполнения указаний государя, умел как никто другой подчинять свою личную волю воле правителя, всегда оставался неумолимым и строгим блюстителем воинской дисциплины.

Военная карьера Аракчеева началась 4 сентября 1792 г., когда он поступил на службу в гатчинские войска цесаревича Павла, которого матушка Екатерина II держала подальше от престола. Назначенный командиром артиллерийской роты, Аракчеев, ни перед кем не заискивая, одним лишь ревностным отношением к выполнению своих обязанностей привел в короткое время гатчинскую артиллерию Павла в образцовый порядок. Утвердившись на императорском престоле, Павел I поручил Аракчееву помогать великому князю Александру I, на которого император возложил несколько военных должностей. 4 января 1799 г. Аракчеев был назначен инспектором всей артиллерии, а 5 мая 1799 г. Павел I пожаловал ему графский титул, причем к поднесенному для утверждения графскому гербу государь собственноручно прибавил: «Без лести предан». При императоре Александре I Аракчеев обеспечил высокое качество работы артиллеристов в антифранцузской кампании 1806–1807 гг., был произведен в генералы, а в 1808 г. поставлен во главе военного министерства.

Необычайному возвышению Аракчеева способствовали некоторые особенности характера Александра I. Молодой император был крайне ревнив к своей власти, мелочен и подозрителен. Главным предметом его попечений была армия. К нему по наследству от отца перешла страсть к смотрам и учениям. Эта страсть была и у Аракчеева. Все повеления, касающиеся армии, должны были исходить от императора, чтобы армия знала только его одного. Ничье вмешательство со стороны не терпелось в этой области. Аракчеев же, будучи большим тружеником и знатоком военной службы, был полностью безгласным (в смысле отсутствия личного гонора) и слепым исполнителем воли, предначертанной императором. Это особенно нравилось Александру I. Кроме того, не замешанный в царевичестве Павла I, Аракчеев не служил живым укором и не тревожил никогда не заживавшую в душе Александра рану.

После победы над Наполеоном император Александр сильно переменялся: он утратил былую энергию, отказался от прежних реформаторских замыслов, стал тяготиться делами по государственному управлению. Теперь он искал себе в помощники не смелых реформаторов, как это было в начале его царствования, а точных исполнителей и делопроизводителей, которые управляли бы вместо него, не заслоняя его от армии. В таких условиях бремя забот по управлению государством постепенно перешло в «жесткие руки верного друга» — Аракчеева. Доверие к нему теперь уже стало неограниченным. С другой стороны, послевоенная правящая Россия, взвалив на себя роль гаранта соблюдения Венской системы договоров, действительно превращалась в жандарма

Европы: подавляла революционные движения в европейских странах, наказывала те государства, которые нарушали договора и т.д. Бремя военных расходов было чрезмерно. Надо было искать способы их облегчения. В ход пошла идея военных поселений, реализацию которой император возложил на Аракчеева. Аракчеев вначале неодобрительно относился к этой идее. Но император повелел, и граф с нечеловеческим упрямством и чудовищным педантизмом стал «перестраивать на коммунально-казарменный лад мужицкий быт в военных поселениях».

Идея военных поселений на Западе развивалась в контексте идей движения к «вечному миру» и упразднения постоянных армий. Их истоки можно обнаружить в библейских христианских текстах. В 1795 г. известный немецкий философ Иммануил Кант издал трактат «К вечному миру». Он обратил внимание на прямую зависимость международных конфликтов от уровня развития постоянных армий: «...будучи постоянно готовы к войне, они непрестанно угрожают ею другим государствам. Они побуждают их превзойти друг друга в количестве вооруженных сил, которое не знает никакого предела, и поскольку связанные с миром расходы становятся в конце концов более обременительными, чем короткая война, то сами постоянные армии становятся причиной военного нападения с целью избавиться от этого бремени». Кант предостерег всех от опасности взаимоистребительной войны, к которой может привести неограниченный рост милитаризма. Она «привела бы к вечному миру на гигантском кладбище человечества». Чтобы избежать такого хода событий, Кант призывал взять на вооружение следующую морально-правовую максиму: «Постоянные армии должны со временем полностью исчезнуть» [Кант 1966: 261].

Французские мыслители дополнили идеи Канта предложениями о частичном использовании армии мирного времени в трудовых, производительных целях. Эта мысль была высказана, в частности, французским генералом Серваном в статье *Sur les forces frontiers des etats*, которую и прочитал Александр I. Идея статьи запала ему в душу. Император хотел, прежде всего, уменьшить военные расходы, возложив некоторые части армии на содержание крестьян. Поселенные среди них войска должны были слиться с ними, помогать им в свободное от военных занятий время и, в свою очередь, приучать крестьян к военной жизни, дисциплине и строевым порядкам. Осуществление этой идеи позволило бы ввести «допризывную» военную подготовку мужского населения (наподобие того, как это уже делалось в Пруссии) с тем, чтобы в случае войны можно было рекрутов направлять прямо в действующие войска, не тратя времени на первоначальное обучение. Понятно, почему Александр I ни за что не хотел отказаться от этой идеи, несмотря на явное несочувствие, высказанное вначале всеми ближайшими его сотрудниками (в т.ч. и Аракчеевым).

Создание военных поселений практически началось в конце 1809 г., когда приступили к размещению запасного батальона Елецкого пехотного полка в Климовском повете Могилевской губернии. Отечественная война и заграничные походы остановили на несколько лет развитие военных поселений. Но оно с огромной энергией продолжилось в 1815 г., когда Александр I вернулся из-за границы. Для размещения пехотных полков на сельскохозяйственных землях на этот раз была избрана Новгородская губерния – территория вблизи поместий Аракчеева. Это было сделано исключительно для удобства работы графа. Живя в основном в своем дворце в с. Грузино, он находился в центре этих поселений. Первое из них на этом этапе было создано на основе 2-го батальона гренадерского полка им. графа Аракчеева, перемещенного из Петербурга в Высоцкую волость на р. Волхов по соседству с с. Грузино. Жители волостей, назначенных для укомплектования данного полка, зачислялись в военные поселяне и под-

чинялись военному начальству. Дети мужского пола зачислялись в кантонисты, а затем служили для пополнения поселенных войск. Соединение всех поселений одного полка (3 волости) называлось округом такого-то полка. В каждый округ входили поселения одного полка, который делился на 3 батальона, а эти последние дробились на роты и взводы. Вслед за полком им. Аракчеева сюда прибыли и другие пехотные полки. Всего в Новгородском и Старорусском уездах Новгородской губернии было размещено 14 пехотных полков, комплектовавшихся в основном территориальным способом.

Вслед за пехотными военными поселениями были созданы такие же поселения для кавалерии. Они располагались в Херсонской, Екатеринославской и Слободско-Украинской губерниях. Аракчеев и для этих поселений был главным начальником, но, живя постоянно вдали от них и не считая для себя удобным входить во все подробности их жизни, он, с разрешения императора, во главе этих поселений поставил генерал-лейтенанта Витте, штаб которого находился в г. Елизаветграде. 3 февраля 1821 г. все эти части были объединены в отдельный корпус военных поселений. Его начальником был назначен, конечно, граф Аракчеев, штаб которого находился в Новгороде. В конце 1825 г. этот корпус состоял из 90 батальонов Новгородского поселения, 36 батальонов и 249 эскадронов Слободско-Украинского, Екатеринославского и Херсонского поселений, что включало в себя приблизительно треть русской армии. С восшествием в 1825 г. на престол нового императора Николая I Аракчеев отстранился от всех других высоких должностей и до конца своей жизни (умер в 1834 г.) оставался лишь начальником отдельного корпуса военных поселений.

Принципы организации и функционирования военных поселений были изложены в Положении, отпечатанном в типографии штаба военных поселений в 1825 г. В нем говорилось, что поселение каждого полкового округа делится на две главные части: неподвижную и подвижную. Неподвижную часть поселения составляли все те лица, которые не участвовали в военных походах и оставались всегда на местах поселения (хозяева; кантонисты; инвалиды; все старожилы свыше 45 лет; семейства лиц, выступающих в поход). Подвижную часть поселения составляли лица, которые участвовали в военных походах. Это всегда боеготовая и действующая часть полка. Люди, составлявшие подвижную часть полка, когда находились на местах, распределялись в хозяйствах с их семьями, участвовали в сельских работах и пользовались производением общих их трудов. Неподвижная часть полка готовила пополнение для подвижной.

Крестьянам военных поселений были даны многие льготы, в т.ч. отмена взыскания многих казенных недоимок, облегчение и даже отмена некоторых денежных и натуральных повинностей, бесплатное пользование медикаментами, учреждение школ для детей, назначение специалистов по разным отраслям хозяйства. В отношении отбывания военной службы им были дарованы тоже немаловажные выгоды, например, они освобождались от общих рекрутских наборов, какая бы в них ни была острая нужда. По достижении установленных лет они освобождались и от обязанностей, предусмотренных Положением о военных поселениях. Содержание детей поселенцев и приготовление их на военную службу правительство приняло на свое попечение.

Благодаря стараниям Аракчеева, в пунктах размещения военных поселений были построены общественные хлебные магазины, основаны конские заводы и лесопилки, учреждены школы кантонистов для детей от 6 до 18 лет, заведены особые вспомогательные капиталы для офицеров и поселян.

Однако в военных поселениях при Аракчееве установилась система мучительной муштры. Главным занятием поселенных войск оставались строевые занятия, маршировки, тренировки разводов со всеми перегибами, которые вошли в быт

войск еще при Павле I. Маршировка по целым часам редким шагом, выправка и стойка, повороты на месте и на ходу, изощренные линейные упражнения — все это сопровождалось строгостью необыкновенной, производилось с жестокостью. За нерадивость солдат наказывали шпицрутенами. Офицеры часто прибегали к мордобою. Так обучали солдат «подвижной части». Они же в свою очередь занимались мучительством, обучая крестьян «неподвижного состава» или их сыновей — кантонистов. Крестьяне разными путями пытались освободиться от аракчеевских «благодеяний»: посылали депутации к императору, ходатайствовали перед матерью-императрицей, перед цесаревичами, но ничего не помогло. Дело дошло до бунтов.

В 1831 г. на берегах Волхова возникли так называемые «холерные бунты». Кадровые унтер-офицеры оказались неспособными умиротворить бунтующих. Эти бунты привели к тому, что Николай I впервые засомневался в целесообразности продолжать затею Александра I. Аракчеев лишился императорского покровительства. Вскоре он ушел из жизни. Тем не менее военные поселения существовали еще более четверти века. С точки зрения сдерживания военных расходов они были выгодны. За период 1825—1850 гг. было сэкономлено 45,5 млн руб. Однако система военных поселений ограничивала возможности свободного развития хозяйства. Практическая их ликвидация началась в 1857 г. и растянулась до 1866 г., когда Россией правил уже Александр II [История русской армии... 2007: 359-364].

С позиций современной науки можно определить, почему почти полувековой опыт развития военно-поселенческих формирований в царской России потерпел неудачу. Военные поселения в том виде, в каком они были задуманы Александром II и реализованы Аракчеевым, были лишь одной из многих форм территориально-милиционного строительства, причем не лучшей. Напомним, что в России с давних пор существовало казачество — более эффективная, естественно выросшая форма территориально-милиционного строительства. В мирное время казаки сочетают производственно-экономическую функцию с определенной военной подготовкой, а в военное время превращаются в вооруженную силу. В Отечественной войне 1812 г. и заграничных антинаполеоновских походах 1813—1814 гг. применение казачьих войск давало большой результат. Организовав военные поселения, Александр с Аракчеевым внедрили другую форму территориально-милиционного строительства, в которой акцент делался не столько на подготовку массовых резервов для армии, сколько на использование войсковых частей в производительных целях в мирное время. В условиях крепостнического строя, существовавшего в России до 1861 г., трудовое использование войск не могло выглядеть иначе, чем расширением крепостничества и на армию. Превратить солдат в крепостных намного легче, чем сделать крепостных крестьян хорошими солдатами неказарменным путем. Вот почему реализация хорошей идеи, заимствованной на Западе, происходила в России карикатурно.

Успешной реализации идеи частичной замены регулярных войск милицией мешала не только крепостническая действительность, но и характер военной доктрины, существовавшей в российском государстве. Сегодня ученые практически единодушны в том, что милиционные формирования могут давать большой эффект в стране миролюбивой, а не агрессивной, в войнах справедливых, оборонительных, а не захватнических, наступательных. Например, Швейцария, будучи традиционно страной нейтральной, заботящейся только об обороне от возможного агрессора, и ныне не имеет классической постоянной армии. Оборона страны там возложена на вооруженный народ. Во времена Александра I и Аракчеева не было постоянной армии и в США. Оборону страны там осуществляла национальная гвардия — милиционное формирование, существующее и

сейчас. Но положение изменилось к началу XX в., когда США превратились в империалистическую державу и регулярно стали вести захватнические войны. Императорская Россия, не отличаясь миролюбием, вела преимущественно захватнические войны. Военная доктрина, принятая на вооружение ее правящим классом, имела наступательный характер. Поэтому затею по частичному переводу войсковых частей в разряд милиционных формирований военная каста России встретила в штыки, а Аракчеева она ненавидела, ревновала, вышучивала. Это во многом предопределило провал эксперимента по созданию и развитию военных поселений.

Исторический опыт подтверждает, что в иных условиях использование различных милиционных форм в стране и мире может быть более успешным. Напомним, что все оппозиционные партии, боровшиеся с самодержавием в России, в своих программах требовали ликвидации постоянной армии и замены ее всеобщим вооружением народа, а его невозможно осуществить без развертывания различных милиционных формирований. Большевики тоже требовали этого (посмотрите первую, принятую в 1903 г., и вторую, принятую в 1919 г., программы партии). И на первых порах были сделаны реальные практические шаги на пути к милиционной системе обороны. Из Гражданской войны Советская республика вышла с 5-миллионной регулярной армией. Чтобы хотя бы частично компенсировать расходы на ее содержание, советское правительство в 1920 и 1921 гг. перевело 8 войсковых объединений на положение «трудовых армий». В их числе Первая трудовая армия (с центром в г. Екатеринбурге), Вторая трудовая армия (г. Саратов), Запасная армия республики (г. Казань), Вторая особая армия (г. Воронеж), Петроградская трудовая армия, Украинская трудовая армия (г. Харьков), Кавказская трудовая армия (г. Грозный), Сибирская трудовая армия (г. Омск). Они выполняли важные народнохозяйственные задачи, восстанавливали разрушенную войной экономику. Может быть, именно тогда, наблюдая участие красноармейцев в трудовых делах республики, поэт М. Волошин и вспомнил Аракчеева, назвав его первым коммунистом земли российской.

В последующие годы советская власть продолжала создавать специфические оборонно-трудовые структуры для определенных групп населения (опыт создания строительных войск после Второй мировой войны) и, кроме того, практиковала создание сводных армейских отрядов для выполнения актуальных трудовых задач. После освоения целинных залежных земель в РСФСР и Казахстане (50-е гг.) туда посылались сводные автомобильные батальоны для сбора урожая и транспортировки собранных продуктов сельского хозяйства на склады. Наиболее эффективной была, пожалуй, работа на трудовом поприще штатных инженерно-технических частей армии. Например, в 70–80-е годы железнодорожные войска участвовали в строительстве Байкало-Амурской магистрали, выполнив при этом не менее половины всех производственных задач по строительству железнодорожных путей, мостов и станционных зданий. С наступлением перестройки армия стала освобождаться от «несвойственных ей функций», но и сейчас (в 2014–2016 гг.) некоторые армейские структуры были задействованы в Крыму для борьбы с последствиями блокады, проводимой украинским националистическим правительством, в области водоснабжения и электроснабжения полуострова.

Другой путь приобщения армии к мирному созидательному трудовому процессу заключается в переводе ряда армейских соединений на территориально-милиционную систему комплектования. В Советской России такая система существовала с 1923 по 1939 г. После Гражданской войны Красная армия была сокращена в 10 раз, и ее численность составила чуть больше 500 тыс. бойцов. Армия такой численности не могла обеспечить надлежащую обороноспособность

страны. Поэтому была проведена военная реформа, в соответствии с которой для ряда армейских соединений была введена территориальная система комплектования. Ее сущность сводилась к следующему: организуемые территориальные дивизии по своей политической и военно-технической подготовленности и бое-способности в общем должны были равняться по постоянным полевым дивизиям, отличаясь от последних лишь тем, что в них постоянно находятся налицо и содержатся за государственный счет только постоянные кадры, примерно одна 1/10 состава военного времени. Главная же масса переменного красноармейского состава, находясь на постоянной службе в данной дивизии, лишь периодически, на короткие сроки собирается для обучения, занятий и других целей в свою часть, а в остальное время пользуется правом жить дома, заниматься своим трудом, не требуя, таким образом, государственных расходов на свое содержание [Шатило 2013: 92].

Смешанная система комплектования армии полностью оправдала себя. Расширение территориально-милиционных форм позволило сэкономить огромные финансовые средства и переключить их на нужды восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства, а также привлечь к мирной, производительной деятельности наиболее здоровую и трудоспособную часть населения – сотни тысяч мужчин в возрасте от 19 до 22 лет. В то же время территориальные соединения обеспечили военную подготовку миллионных масс населения. Кроме того, смешанная система оказалась способной к быстрому переходу от одних форм к другим. Так, в начале 30-х гг., когда военно-политическая обстановка не несла еще непосредственной угрозы военного нашествия, 74% советских дивизий были территориальными и 26% – кадровыми. С нарастанием угрозы войны военная организация в течение одного года перестроилась коренным образом: к началу 1936 г. 77% дивизий стали кадровыми и лишь 23% остались территориальными. Великая Отечественная война полностью подтвердила правильность курса на сочетание профессионально-специализированных и милиционных форм. СССР выстоял и одержал победу во многом потому, что против превосходящих сил захватчиков воевала не только регулярная армия, но и весь по-военному организованный народ. Многие из бойцов, подготовленных территориально-милиционным способом, воевали в рядах ополченного и партизанского движений, размах которых не имел прецедентов в истории войн.

После Великой Отечественной войны страна не восстановила прежнюю территориальную форму комплектования войск, но возникли и до сих пор существуют новые формы милиционного строительства. Некоторые компоненты современной военной организации Российской Федерации имеют милиционный признак в качестве преобладающего. Пример – формирования и службы МЧС. В целом – это военизированная организация, выполняющая важные мирные созидательные задачи по ликвидации последствий крупных аварий, катастроф, стихийных бедствий. Такая деятельность в возможной войне окажется решающей для спасения гражданского населения и требует вовлечения в это дело практически всего народа. Безусловно, роль милиционных компонентов в системе обороны и безопасности ныне возрастает. Создание в апреле 2016 г. Российской гвардии – яркое тому подтверждение. Сама реальная жизнь в условиях экономического и экологического кризиса программирует развитие военной организации на основе сочетания профессионально-специализированных и милиционных форм. При этом милиционные формирования чем дальше, тем больше будут осознаваться как альтернатива постоянной армии, способная восторжествовать в условиях прогрессирующего разоружения.

Марксизм до сих пор остается непревзойденной теорией для решения про-

блемы преобразования структуры и функций военной организации в направлении приобщения ее к производительному труду. «В будущем армии должны быть одновременно и рабочими армиями, чтобы войско не только потребляло, как это было прежде, но и производило бы больше, чем составляют расходы на его содержание. Это является, кроме того, одним из способов организации труда» [Маркс, Энгельс 1956: 1]. Более далеко идущую цель в области демилитаризации военных структур постемарксовская наука не выдвигала. Проследив исторические судьбы военной организации общества в цельной картине ее развития, марксисты обнаружили в ней действие диалектического закона отрицания отрицания. Исходным пунктом ее развития была примитивная негосударственная вооруженная организация первобытного рода. Ее исторической и логической антитезой стала военная организация эксплуататорского государства (рабовладельческого, феодального, капиталистического), которая наиболее полно проявляет свою реакционную сущность в форме постоянной армии, отчужденной от народных масс и производительного труда. Это первое отрицание работающей милиционной организации трудящихся. Многовековой опыт классовой борьбы и социальных революций, реальные тенденции современного оборонного строительства, анализ перспектив разоружения по международным соглашениям указывают генеральное направление второго отрицания – путь к милиционной системе обороны социалистического общества. На этом пути преодолевается былая отчужденность вооруженной силы от народных масс и производительного труда и накапливаются предпосылки для ее постепенного отмирания. Неизбежность утверждения милиционной системы на заключительном этапе существования военной организации общества доказывается не одним только законом отрицания отрицания, но и закон этот – существенный аргумент в научном дискурсе. Так уж протекают исторические процессы, что в самом их прологе есть «кусочки эпилога».

Список литературы

История русской армии: современная версия (науч. ред. С. Потрашков). 2007. М.: Эксмо. 768 с.

Кант И. 1966. К вечному миру. – *Сочинения*. М.: Мысль. Т. 6. 743 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1956. *Сочинения*. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы. Т. 5. 644 с.

Шатило И.С. 2013. *Отечественная история и концептология казачества*: лекции, очерки, новеллы. М.: Спутник+. 120 с.

SHATILO Igor' Stanislavovich, *Cand.Sci.(Philos.)*, Associate Professor (Russia; fai-shatilo@yandex.ru)

ARAKCHEEV'S MILITARY SETTLEMENTS IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF DISARMAMENT

Abstract. *The article provides an updated interpretation of the activity of a high-ranking official of the Russian Empire Arakcheev to establish military settlements. In the context of history and theory of militia forms of defense construction, later adopted by socialist parties of Russia and of the world, this pattern of activity becomes brighter and more attractive. It can be better compared with the conclusions about the possibility of a repetition of certain features of this experience for using in the other historical conditions.*

Keywords: *militia forms of military organization, military settlements, labor army*